

ТИПЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ЕЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

Д. С. Петров

Воронежский государственный университет

Е. Д. Соломатина

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Ю. Б. Матюшина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 февраля 2016 г.

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы социокультурной адаптации молодежи. Современная российская молодежь может одновременно выступать и объектом, и субъектом социокультурной адаптации. Изучение проблем молодежи возможно с точки зрения неразрывных связей социально-экономической и социокультурной адаптации молодежи. Представлена характеристика шести типов социально-экономической мобильности молодежи.

Ключевые слова: российская молодежь, общество, социокультурная адаптация, типы социально-экономической мобильности.

Abstract: the article deals with the problems of sociocultural adaptation of youth. The modern Russian youth can simultaneously speak and object and subject of sociocultural adaptation. The study of youth problems is possible with the point of view of the inextricable linkage of socio-economic and socio-cultural adaptation of youth. Presents characteristics of six types of socio-economic mobility of the youth.

Key words: Russian youth, society, sociocultural adaptation, types of socio-economic mobility.

Современная экономическая ситуация в России делает задачу освоения социально-экономического и социокультурного пространства, встающую перед каждым молодым человеком, особенно сложной. Сегодня можно констатировать, что молодежь, обладая высоким потенциалом экономической активности и ориентированностью на инновационное развитие, одновременно имеет суженный спектр своей реализации.

Общество на каждом этапе развития вырабатывает определенные требования и предоставляет различные возможности для реализации молодежью своих жизненных стратегий.

Основными институтами, определяющими правила и условия социально-экономической мобильности молодежи, являются система образования и рынок труда. Разрушение инфраструктуры государственного образования и его коммерциализация в условиях материального расслоения граждан привели к значительному снижению доступности к полноценному образованию ряда групп молодежи.

Резкое сокращение занятости в основных секторах материального производства и в ряде отраслей непромышленной сферы, стирание границ между формальной и неформальной занятостью – все это привело к ужесточению требований со стороны бизнеса в регионе к профессионализму работников и к наличию профессионального опыта, что является невыполнимым требованием для молодежи, впервые выходящей на рынок труда.

В свою очередь, возрастание требований самой молодежи к оплате труда сопровождается деструктивными способами социокультурной адаптации, включающими продолжительные периоды незанятости, локализацию значительных групп молодежи в неформальных и теневых сегментах регионального рынка труда, не всегда экономически оправданную миграцию молодежи. Работая в условиях негарантированных трудовых прав, молодежь лишается в первую очередь правовой защиты государства. Данные обстоятельства способствуют трансформации социально значимых ценностей и формированию девиантных моделей поведения некоторых групп молодежи.

Вместе с тем именно молодежь является носителем социальных перемен и инноваций. Отсюда возникает необходимость выявления факторов повышения экономической активности молодежи, создания механизмов управления взаимодействием общества, бизнеса и молодежи.

Исследование процессов формирования типов социально-экономической мобильности через отслеживание событий образовательной и трудовой биографии современной молодежи реализовано с использованием анализа данных за 2007, 2012, 2014 гг. Совокупность респондентов, отобранных для исследования, составила 115 человек.

В качестве объекта исследования отобрана когорта молодежи, достигшая к моменту опроса возраста 17 лет, т. е. с еще не реализованной экономической активностью. Был выбран 2007 г., когда молодые люди оканчивают основную общеобразовательную школу (ученики 11-х классов МОУ СОШ № 12 и МОУ Петровская СОШ Панинского района Воронежской области) и определяют свою дальнейшую стратегию жизни.

Среди анализируемых событий отобранной когорты молодежи представляет интерес период получения образования. Следующий период, на который приходится формирование образовательной мобильности молодежи и получение ею профессионального образования, составляет 5 лет после окончания школы. В нашем случае это 2012 г., который является статусной точкой и второй волной статусных изменений отобранной когорты. И наконец 2014 г. – последняя точка статусных изменений, в которой происходит фиксирование трудовых стратегий – те, кто учился, вступают в трудовую жизнь; кто не учился, приобрели трудовой опыт.

Из вопросника для цели исследования были отобраны две группы вопросов-признаков. Основные индикативные признаки – семейное положение, уровень образования, профессиональная подготовка, основное занятие, должность, режим работы, дополнительная занятость и т. п. Основные рефлексивные признаки – уверенность найти работу в случае закрытия предприятия (организации), беспокойство потерять работу, желание найти другую работу, удовлетворенность жизнью и т. д.

Из анкеты для анализа были отобраны 22 показателя, которые можно разделить на 4 блока. К первому блоку относятся следующие вопросы – возраст, пол, состояние в браке, образование, основное занятие. Ко второму блоку относятся вопросы, касающиеся занятости респондента, – тип предприятия, должность, режим труда. В третий блок включены вопросы, определяющие трудовую мобильность респондента, – смена места работы, ее причины, дополнительная занятость, потребность в получении новой

специальности и т. п. Четвертый блок вопросов связан с незанятостью – причины увольнения с последнего места работы, сроки безработицы, регистрация в службе занятости и способы поиска работы.

Важно отметить, что жизненные позиции молодежи находят проявление в отношении источников своего материального благосостояния, т. е. изменяются под влиянием экономических факторов как ключевого аспекта ее социокультурной адаптации [1, с. 509].

Вышеуказанные параметры были отобраны как основные экономические показатели, которые определяют социально-экономическую и социокультурную адаптацию молодежи к условиям настоящего времени.

Необходимо подчеркнуть, что исследователи отмечают тот факт, что проводимая в России современная экономическая политика стимулирует усиление неравенства, порождает недовольство, социальную напряженность [2, с. 40].

Теоретическими основаниями предложенного исследования являются теория человеческого капитала, теория социальной мобильности и теория адаптации М. Вебера. Молодежь является наиболее подвижной, адаптивной и инновационной силой общества. Это не только объект воздействия со стороны общества и его социальных институтов, но и активный субъект социальной жизни. Понятие «человеческий капитал» включает в себя социальные и демографические характеристики населения региона, установившуюся иерархию ценностей и интересов, образование и приобретенную квалификацию. Человеческий капитал является качественной характеристикой рабочей силы, определяющей способность человека к трудовой деятельности, его знания.

В рамках реализованного исследования были выявлены процессы, связанные с адаптацией молодежи на рынке труда, изучены основные факторы, определяющие жизненные позиции и экономическое поведение молодежи.

Среди внешних факторов основными являются:

– либеральная модель рынка труда, которая сопровождается сменой форм собственности предприятий и ужесточением требований к профессионализму и наличию трудового стажа работников, что неизбежно снижает шансы молодежи, впервые выходящей на рынок труда;

– отсутствие реальных механизмов содействия эффективному включению молодежи в процесс занятости на фоне спада российской экономики и темпов роста безработицы;

– локальность и связанная с этим ограниченность рынков труда периферийных территорий, удаленных от экономически развитых центров, что еще более

затрудняет возможности молодежи для эффективной самореализации на рынке труда.

Исследование поведения городской и сельской молодежи на рынке труда позволило выявить основные ограничители трудовой реализации молодых людей, проживающих в сельской местности. Среди них можно выделить:

- сниженные возможности сельских школ, не обеспечивающие выпускников начальными конкурентоспособными качествами, что априори создает неравенство возможностей жизненного самоопределения молодежи не только между селом и городом, но и между крупными и небольшими территориально удаленными городами;

- сниженные квалификационные характеристики сельской занятой молодежи по сравнению с городской;

- более низкий уровень экономической активности и занятости сельской молодежи;

- крайне ограниченные возможности альтернативного выбора рабочих мест;

- низкая цена рабочей силы, распространенные формы натуроплаты, теневой и неоплачиваемой занятости;

- сезонные колебания сельских рынков труда;

- небольшое число формальных посредников в трудоустройстве сельских жителей;

- затяжные формы сельской безработицы;

- миграция сельской молодежи, которая рассматривается в основном как неэффективная форма адаптации, что связано с проблемами трудовой реализации при выходе на внешние рынки труда.

Результаты исследования доказывают, что молодежь является ярко выраженной «группой риска» из-за перенасыщенности рынка труда другими, более конкурентоспособными категориями населения. Сложившиеся институциональные условия выводят молодежь из сегмента эффективной занятости. Трудовая адаптация молодежи трансформируется в нетрудовые занятия, принципиально меняется их экономическое содержание, что влечет за собой вынужденное иждивенчество, асоциальное поведение, маргинализацию.

Вместе с тем результаты исследования зафиксировали наличие экономически активной группы молодежи, поведение которой связано с эффективными формами адаптации на рынке труда. Формирование мотивации и новых жизненных установок у трети молодежи связано со следующими факторами:

- увеличение интереса молодежи к уровню и качеству получаемого образования;

- значительное снижение доли неучащейся и работающей молодежи;

- завышенные трудовые предпочтения молодежи, основанные на достигнутом уровне образования и

квалификации и связанные с ориентацией на более престижный профессиональный сектор;

- наблюдаемые тенденции роста профессиональной и образовательной мобильности молодежи, включая обучение на курсах повышения квалификации, получение второго образования и новой профессии;

- на фоне снижения доверия государственному сектору экономики ориентация молодежи на реализацию трудовой карьеры в частном секторе, рост интереса к предпринимательской деятельности и открытию своего дела.

Исследование определило очевидное доминирование групп молодежи, ориентированных на стратегию: школа – вуз – работа и наличие переменных, не всегда социально и экономически эффективных трудовых реализаций молодежи.

2007 г. был принят в качестве точки статусных изменений жизненных стратегий молодежи. Когортный анализ на данном этапе позволил оценить совокупность реально происходящих событий после завершения обучения в общеобразовательной школе. На этот период приходится первая статусная волна, показывающая следующее разнообразие основных стратегий:

- продолжение обучения в учебных заведениях начального профессионального образования – 20 %;

- поступление в средние специальные и высшие учебные заведения – 32,2 %;

- трудоустройство – 18,2 %;

- переход в категорию незанятых (безработные, декретный отпуск или отпуск по уходу за ребенком, домохозяйки, призыв в армию) – 29,5 %, из них искали работу 52,9 % (табл. 1).

Проведенный анализ дальнейшего формирования трудовой карьеры молодежи позволил зафиксировать четыре относительно равновероятных направления. По степени распространенности их можно проранжировать в следующем порядке:

- поступление в вуз, техникум;

- переход в категорию незанятых;

- поступление в учреждения начально-профессионального образования;

- занятость на производстве.

В двух последующих зафиксированных в анализе статусных точках (2012 и 2014 гг.) выявлены две наиболее стабильные категории молодежи:

- 1) те, кто после окончания школы сразу трудоустроился;

- 2) те, кто трудоустроился после получения профессионального образования.

Несмотря на стабильность, у этих групп молодежи достаточно велика вероятность попадания в категорию незанятых или безработных.

Таблица 1

Изменение жизненных стратегий реальной когорты молодежи во временном отрезке (100 % в столбце)

2007	2012		2014			
	в % от группы		Учащиеся	Занятые	Безработные	Незанятые
Учащиеся системы начального профессионального образования (20 %)	Учащиеся	8,7		8,7		
	Занятые	73,9		56,5	17,4	
	Безработные	8,7			8,7	
	Незанятые	8,7				8,7
Студенты системы среднего специального и высшего профессионального образования (32,2 %)	Учащиеся	16,2		16,2		
	Занятые	51,4	5,4	32,4	5,4	8,1
	Безработные	27,0		21,6	5,4	
	Незанятые	5,4		2,7		2,7
Занятые на производстве (18,2 %)	Учащиеся	4,8		4,8		
	Занятые	76,2		71,4	4,8	
	Безработные	4,8			4,8	
	Незанятые	14,3		4,8		9,5
Незанятые и безработные (29,5 %)	Учащиеся	2,9		2,9		
	Занятые	41,2	2,9	5,9	17,6	14,7
	Безработные	29,4		26,5	2,9	
	Незанятые	26,5		20,6		5,9

У группы, которая не смогла определиться после окончания школы и сразу попала в категорию незанятых и безработных, дальнейшие стратегии равновероятно связаны как с трудоустройством, так и с сохранением текущих неопределенных трудовых позиций. Важно подчеркнуть, что трудоустройство в этой категории молодежи носит крайне неустойчивый характер, что свидетельствует об ограниченных возможностях социальной мобильности достаточной представительной группы молодежи.

Также необходимо отметить наличие вариабельных, не всегда социально и экономически эффективных трудовых реализаций молодежи. В качестве примеров можно привести следующие траектории социально-экономической биографии: получение среднего специального образования → занятость → → получение высшего профессионального образования → занятость. Крайне деструктивная форма – асоциальная – связана с устойчивым формированием имобильных групп молодежи, не имеющих в своей биографии случаев трудовой и (или) образовательной реализаций либо реализующих свой потенциал в неформальных сегментах общественной жизни.

Полученные результаты свидетельствуют о размывании традиционных типов (траекторий) реализуемых молодежью карьер, связанных с суженными возможностями формальных институтов образования и рынка труда при одновременном расширении социальных лифтингов неформальных институтов. Молодежь, не имея возможностей реализовать свои трудовые предпочтения в рамках традиционных схем, отчуждена от каналов эффективной социальной мобильности.

На основе проведенного анализа соответственно были выделены 6 типов социально-экономической мобильности молодежи (табл. 2).

Таблица 2

Характеристика типов социально-экономической мобильности молодежи

Степени социально-экономической мобильности	Типы социально-экономической мобильности	Подгруппы	Проценты
1 – высокая	Экономически активный – «нацеленный на трудовую карьеру»	4	8,6
2 – выше средней	Экономически активный, «стабильный»	3	27,7
3 – средняя	Экономически активный, с «адаптивной трудовой мобильностью»	1	11,9
4 – ниже средней	Экономически неактивный «иждивенческий»	2	49,8
5 – низкая	Экономически активный, с «поисковой трудовой мобильностью»	5	1,0
6 – крайне низкая	Экономически неактивный, «ориентированный на социальную эксклюзию (исключенность)»	6	1,0

В первый тип входит молодежь, которая обучается в системе профессионального образования и имеет дополнительную занятость, т. е. является экономически активной, с ориентацией на будущую трудовую карьеру. У молодежи этого типа существует нацеленность на формирование стиля поведения, соответствующего современным рыночным отношениям.

Она ориентирована в будущем на успешную профессиональную карьеру и на материальное благополучие. Социально-экономическую мобильность данной группы молодежи можно определить как среднюю с «адаптивной трудовой мобильностью».

Второй тип представлен учащейся молодежью. Данный тип можно охарактеризовать как «иждивенческий», экономически неактивный, обладающий социально-экономической активностью ниже средней. Они не вступали в трудовые отношения, отсутствует трудовая мобильность, не имеют опыта адаптации к рынку труда, существует надежда на поддержку родителей.

Молодежь третьего типа имеет основное место работы, является экономически активной, положительно оценивающей свой текущий социальный статус и не готовой что-либо менять. Преобладающая часть молодежи не имеет дополнительной занятости, работает в режиме полного рабочего дня. Следовательно, молодежь данного типа обладает социально-экономической мобильностью выше средней. Такой тип поведения можно охарактеризовать как «стабильный», так как доминирует ориентация на сохранение своих современных достигнутых позиций.

Респонденты четвертого типа имеют основное место работы, т. е. экономически активны и ориентированы на занятость с полным использованием и развитием своих способностей. Работающая молодежь выделенного типа обладает более высокой трудовой мобильностью, чем представители третьего типа. В зависимости от ситуации на рынке труда (невысокий доход на основном месте работы, возможность сделать трудовую карьеру, улучшить условия труда) и собственных трудовых ориентаций готова изменить сферы профессиональной деятельности или повысить уровень образования для реализации своей трудовой карьеры. Таким образом, вовлеченность в дополнительную занятость позволяет им повысить уровень материальной обеспеченности и отчасти уровень квалификации. Данный тип социально-экономической мобильности можно охарактеризовать как высокий, «нацеленный на трудовую карьеру».

Пятый тип представляют безработные – экономически активные, которые не работают и не учатся, но имеют опыт работы и указали причины безработицы. В настоящее время они активно ищут работу, самостоятельно, без обращения в службу занятости; срок безработицы менее года. Молодежь данного типа регулярно подрабатывала в течение года, основной мотивацией к этому является отсутствие основного места работы. Представители данного типа характеризуются как тип, обладающий низкой социально-экономической мобильностью с «поисковой трудовой мобильностью».

Шестой тип представляют безработные – экономически неактивные, которые в настоящее время не работают и не учатся, не имеют опыта работы и не готовы начать работу в течение двух недель. Работу ищут в течение года, не видят необходимости в регистрации в службе занятости, ищут возможность, но нигде в течение года не подрабатывали, следовательно, социально-экономическая мобильность крайне низкая. Данный тип можно охарактеризовать как «ориентированный на социальную эксклюзию (исключенность)».

Таким образом, можно сделать следующий вывод: чтобы система образования более гибко реагировала на потребности рынка труда, необходима помощь работодателей, прежде всего, в создании материальной базы. Также необходима интеграция образовательных учреждений с органами муниципальной власти, региональными центрами профориентации и службами занятости. Созданная, реальная, а не декларированная система социального партнерства между образовательными учреждениями, работодателями и службами занятости должна быть ориентирована на целенаправленную подготовку квалифицированных кадров и реализацию кадровой политики, ориентированной на выпускников образовательных учреждений.

Анализ жизненного самоопределения молодежи позволил проанализировать процесс вхождения молодежи на рынок труда, проследить особенности трудового поведения когорты, вариативность этого процесса во времени, связанную с выбором трудовой карьеры и успешной социально-экономической и социокультурной адаптацией молодежи.

Исследование доказывает, что изучать проблемы молодежи необходимо с точки зрения неразрывных связей социально-экономической и социокультурной адаптации молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петров Д. С.* Смена жизненных позиций современной российской молодежи в экономическом аспекте ее социокультурной адаптации / Д. С. Петров // *Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное* / РГГУ, Социол. ф-т, Центр социол. исследований; под общ. ред. Ж. Т. Тощенко. – М.: РГГУ, 2015. – С. 506–512.
2. *Соломатина Е. Д.* Современная российская интеллигенция: изменение социальной роли или исчезновение? / Е. Д. Соломатина // *Организация и самоорганизация интеллигенции в современном российском обществе* / РГГУ, Социол. ф-т, Центр социол. исследований; под общ. ред. Ж. Т. Тощенко. – М.: РГГУ, 2013. – С. 34–41.

*Воронежский государственный университет
Петров Д. С., кандидат философских наук, доцент
кафедры социологии и политологии
E-mail: den_petrov@rambler.ru
Тел.: 8-910-340-05-17*

*Voronezh State University
Petrov D. S., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Sociology and Political Science Department
E-mail: den_petrov@rambler.ru
Tel.: 8-910-340-05-17*

*Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
Соломатина Е. Д., кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, политологии и гуманитарных дисциплин, заместитель директора Воронежского филиала по научной работе и международным связям
E-mail: solomatina.e@yfreu.ru
Тел.: 8-908-147-02-84*

*Russian Economic University named after G. V. Plekhanov
Solomatina E. D., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Sociology, Political Science and Humanities Department. Deputy Director of the Voronezh Branch of Scientific Work and International Relations
E-mail: solomatina.e@yfreu.ru
Tel.: 8-908-147-02-84*

*Воронежский государственный университет
Матюшина Ю. Б., кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии и политологии
E-mail: deanery@hist.vsu.ru
Тел.: 8-910-746-33-05*

*Voronezh State University
Matyushina Yu. B., Candidate of Economical Sciences, Associate Professor of the Sociology and Political Science Department
E-mail: deanery@hist.vsu.ru
Tel.: 8-910-746-33-05*